

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Германия, остров Узедом, секретный
ракетный центр Пенемюнде, концлагерь
Карлсхаген — военный аэродром
7—8 февраля 1945 года*

К концу войны немцы стали относиться к пленным немного бережнее. Как-никак рабочая сила — бесплатная, крайне необходимая, потому за любую провинность уже не расстреливали, не вешали, как прежде. Так же гоняли от зари до зари, выжимая последние соки, не давали толком отдыхать, но казнили только за исключительные провинности, к примеру, за попытку побега. Тут уж если попался — готовься к самому страшному. Могут не просто расстрелять, а показательно перед строем отдать на растерзание собакам или забить до смерти прикладами. Способ всецело зависел от изуверской фантазии лагерфюрера.

Кормили в 1945-м тоже крайне плохо. Видать, нормальной провизии самим не хватало. Который день на обед в бараке, именуемом «сто-

ловой», заключенные получали по небольшой порции баланды, по три крохотные картофелины и по маленькому кусочку непонятной темной субстанции, называемой хлебом. После такого «сытного» обеда каждое движение из-за слабости давалось с трудом. А двигаться под гневные окрики охранников все же приходилось.

В этот день Девятаев с Кривоноговым работали на аэродроме. Перед побегом им надлежало определиться с составом группы, поэтому их товарищ — Владимир Соколов, занимавший должность помощника капо, — включил их в одну бригаду. Здесь во время работы можно было спокойно поговорить, обсудить планы. Вахтман, как правило, прогуливался в поле зрения, но близко к объекту работы не подходил. Другим заключенным было все равно, о чем треплются товарищи.

Разравнивая на грунтовке специальную смесь, советский летчик говорил отрывисто и с придыханием:

— Четверо нас, Ваня. Всего четверо. Костяк. Мы с тобой, Вовка Соколов да Немченко.

— Согласный я: маловато. Вдруг охранника не получится угомонить с первого раза? Тогда придется остальным навалиться. А ежели бугай

ДЕВЯТАЕВ

попадется? Раскидает нас, как детвору, и хана нашему побегу, смекаешь? Надо бы пораскинуть мозгами, — освобождал последнее ведро Ванька Кривоногов.

Девятаев еле передвигался. Болели от побоев спина, руки, голова. Напарник знал это, понимал его состояние и всячески старался облегчить страдания.

— Давай-ка сюда свои ведра. Пройдись налегке, — предложил он.

Михаил отдал товарищу пустые ведра, поглядел в серое небо и продолжил:

— Верно говоришь. Ничего путного не выйдет из нашей задумки, если попытаем счастья в таком составе. Чтоб немца-охранника завалить, нужен такой здоровяк, как Петька Кутергин.

— Согласный. Петька подойдет. Еще могу присоветовать Мишку Емеца.

— Я о нем тоже думал. Надежный мужик.

— Политрук — одно слово. Значит, берем?

— Берем. Итого, шестеро. Еще бы надо несколько человек.

— Неужто опять мало?! — подивился Кривоногов.

— Мало.

— К чему больше-то? Охранника-вахтмана вшестером точно одолеем, а самолету хватит ли силенок поднять всех в воздух?..

Ванька Кривоногов был, как говорится, своим в доску. Чуть выше среднего роста; несмотря на худобу, крепкий и широкоплечий. Живой, подвижный, неутомонный. И что особо ценно: не падающий духом даже в самой аховой ситуации. Родился Иван в селе Коринка под Нижним Новгородом. Учился, работал, ушел на военную службу в пограничные войска, да так на границе и остался. Армейский путь начал в знаменитой Шепетовке, а в двадцать четыре года принял на себя удар гитлеровских войск на берегу пограничной реки Сан. В звании лейтенанта командовал небольшим гарнизоном ДОТ (долговременной огневой точки) и сдерживал атаки врага под ураганными обстрелами до первых чисел июля 1941 года. Из пятнадцати защитников точки в живых осталось четверо, да и те были завалены бетонными обломками разбитого сооружения. Так тяжелораненый и обожженный Иван и угодил в плен. По лагерям скитался под вымышленным именем Иван Корж, выдавая себя за выходца с Украины.

ДЕВЯТАЕВ

— Силенок-то? Конечно, хватит! Пойми, Ванька, это ж боевые двухмоторные бомбардировщики, а не перкалевые «По-2», — кивнул Девятаев в сторону самолетной стоянки. — Они по три тонны бомб на борт принимают и забираются с ними на восемь с половиной тысяч.

— Ого! Хватает же мощи!

— Вот тебе и «ого»! Так что всех поднимет — не дрейфь. А вот попотеть нам придется, чтоб завести моторы незнакомой машины и заставить ее взлететь.

Вместе они сходили к куче смеси, набрали ее в ведра и вернулись к грунтовке.

— Вспомнил! Олейник и Колька-малец! — позабыв об осторожности, воскликнул Кривоногов.

Девятаев замер с длинной палкой в руках. Покосившись на стоящего неподалеку охранника, тихо спросил:

— Ты чего разорался?

— Так он же ни в зуб по-нашему. И к тому же он этот... — запнулся Иван. Потом сплюнул под ноги: — Тьфу ты! Язык сломаешь! Ландесшютцен! Ополченец...

В 1945 году немецкие войска испытывали ощутимую нехватку личного состава. Все, кто мог

держат в руках винтовку или фаустпатрон, отправлялись на фронт, а охрану таких лагерей, как Карлсхаген, поручили частям ландесшютцена. Эти военизированные части являлись территориальным ополчением, куда набирались не годные для полноценной армейской службы мужчины.

— Олейник — подходящая кандидатура, — прошептал Девятаев. — И Колька-малец — толковый парень, первый, с кем я познакомился в этом лагере. Обоих можно взять.

— А Федька Адамов? Тоже кремень-мужик. И несуетливый.

— Ага. Это девять.

— А сколько всего-то надо?

— С десяток был бы в самый раз.

— Ну, зачем же так много? — громким шепотом возмущался Кривоногов.

— Понимаешь, аккумуляторных батарей может не оказаться на борту. Их перед холодами механики загодя в тепло относят, чтобы заряд не теряли.

— Так есть аккумуляторные тележки! Видел такие?

— Видел. А вдруг не будет такой поблизости? Придется искать аккумуляторы, таскать их

и устанавливать на самолете. А они по два пуда каждый!..

В этот день на аэродроме близ испытательного полигона немецкого ракетного центра Пенемюнде проводились плановые работы по маскировке. Бригада, в которую попали Михаил Девятаев и Иван Кривоногов, состояла из десяти заключенных. Полдня они в паре таскали в ведрах специально приготовленную смесь, высыпали ее в колею на размокшей грунтовке и разравнивали деревянным приспособлением, напоминавшим широкие грабли. Смесь имела темный цвет и состояла из песка, грунта и мелкой морской гальки. Поэтому после выполненных работ дорога буквально «исчезала», сливаясь с окружающим ландшафтом.

— Тогда согласный, — кивнул Иван. И тотчас припомнил: — А сосед твой по нарам — Тимоха Сердюков?

Михаил поморщился:

— Больно уж беспокоен.хлопот с ним не оберешься.

— Так-то с виду нормальный мужик.

— Ладно, держим его про запас. Возьмем, если недобор случится...

Друзья в очередной раз вернулись к высокой куче, вооружились лопатами и принялись наполнять ведра сыпучей смесью. Рядом работала другая пара заключенных, и важный разговор о скором побеге пришлось прервать...

— Хватит-хватит! — остановил Михаила товарищ. — Бери по полведра. А я возьму полные.

Нагрузившись смесью, они потащили ее к грунтовке...

* * *

К концу рабочего дня состав группы определился. Помимо сложившегося костяка — Девятаева, Кривоногова, Соколова и Немченко, — группа должна была усилиться Федором Адамовым, Иваном Олейником, Михаилом Емецем, Петром Кутергиным, Николаем Урбановичем и Тимофеем Сердюковым. Трое из десяти были офицерами: Девятаев, Кривоногов и Емец. Остальные — сержанты и рядовые. А Коля Урбанович и вовсе попал в плен мальчишкой, оттого и звался Колькой-мальцом.

Между вечерним построением и отбоем у заключенных было полчаса на посещение туалета и приведение в порядок одежды. Четверка друзей неторопливо направилась в сторону деревянного

сооружения с отвратительным запахом. Девятаеву нельзя было попадаться на глаза охране — он был приговорен к «десяти дням жизни». Сегодня истекал седьмой день. Семь дней сплошных побоев и издевательств со стороны охраны и сотрудников администрации лагеря.

Товарищи понимали: не каждый такое выдержит — и всячески оберегали его. Девятаев был летчиком-истребителем, попавшим на остров Узедом благодаря счастливой случайности. Здесь о его военной специальности никто не знал, кроме узкого круга надежных друзей. Если все получится, то завтра Михаилу придется сесть за штурвал тяжелого бомбардировщика, поднять его в воздух, пролететь несколько сотен километров и произвести посадку на занятой советскими войсками территории. И никто, кроме него, это сделать не сможет.

— ...Почему не сказать-то? Почему?! — кипятился Кривоногов. — Они ж все проверенные! Все в одной связке с нами!

— Чем меньше народу посвящено в наш план, тем лучше, — резонно заметил Соколов. — Предлагаю объявить им о побеге в последний момент.

— Мы же сами их цельный день отбирали!

— Не важно. Ты же знаешь, сколько среди заключенных провокаторов и как проворно они работают.

— Да какие же они провокаторы, ежели мы с Мишкой лучших выбрали?

— Не заводись, Ваня, — поддержал Соколова Девятаев. — Чего торопиться? И зачем людей понапрасну волновать? Завтра по пути на аэродром и скажем. Главное — попасть в одну аэродромную команду...

— Тихо, братцы, — предупредил Володя Немченко.

После неудачного побега Немченко лишился одного глаза. Однако и оставшимся он пользовался на все сто, подмечая порой весьма полезные вещи.

Подтягивая на ходу штаны, из туалета выскочил юркий мужичок из соседнего барака — дружок бандита Кости-моряка. Над расстегнутым воротом рубы чернела накладка «Слон 1930–1940 ББК». Кажется, это означало, что данный «стахановец» некоторое время жил на Соловках, а также строил Беломорско-Балтийский канал. Проходя мимо, он злобно зыркнул на молчавших мужиков, сплюнул сквозь зубы и, насвистывая что-то

из репертуара криминальной Одессы, двинулся по галечной дорожке.

— Еще один блатной, — процедил Девятаев.

Кривоногов, думая о своем, отмахнулся:

— Ладно, братцы, чего спорить из-за ерунды? Завтра так завтра. Только ты одно скажи: те обязанности, что ранее перечислил, остаются на нас троих?

Весь прошедший месяц Михаил посвящал товарищей в тонкости летной работы. Рассказывал о предполетной подготовке машины, о запуске двигателя, о выруливании и взлете. Заодно заранее распределил обязанности: кто свинчивает с рулей высоты ограничительные струбины, кто снимает с моторов брезентовые чехлы, кто выбивает из-под колес колодки и открывает люк грузового отсека...

— Да, Ваня, все это предстоит сделать вам троим. А я буду заниматься в кабине подготовкой к запуску моторов, — ответил летчик.

— Успеем ли? Каждая секунда будет на счету.

— Надо успеть.

— Ладно. Согласный я. Лишь бы утечь отсюда поскорее.

— Давно бы так, — проворчал Соколов. — Дальше нам с Володькой нужно сделать так, чтобы утром вся группа попала по разнарядке на аэродром в одну бригаду.

Немченко уверенно кивнул:

— Сделаем. Охранникам наплевать, кто из нас где работает.

Замечание было справедливым. За распределением нарядов на работу куда ревностнее следили блатные, коих в лагере Карлсхаген набиралось около трех сотен. Эти наглые типы сбивались в дружные банды и были на редкость организованны. Они захватывали самые легкие наряды и вообще умели обеспечить себе приемлемую жизнь за счет других. К примеру, ходили истопниками в котельную, подряжались дежурить по кухне или подметать жилые бараки. Остальным же доставалась каторжная работа на «свежем воздухе». Так военнопленные называли плановые мероприятия по маскировке аэродромных объектов и техники, засыпку воронок от разрыва авиабомб, разгрузку грузовых железнодорожных вагонов, тяжелые ремонтные и восстановительные работы.

— Сделаем, — еще раз повторил Немченко и легонько хлопнул по плечу Девятаева: — А дальше, Миша, все будет зависеть от тебя.

ДЕВЯТАЕВ

— Не только от меня, — посмотрел тот на низко плывущие тяжелые облака. — Как удача повернет, мужики. И еще погода. Если завтра будет такая же низкая облачность или опять сыпнет снежный заряд, то побег придется перенести.

Товарищи понимающе молчали. В летном деле соображал один Девятаев — летчик-истребитель с немалым опытом полетов и воздушных боев.

— Если бы не твои «десять дней жизни», спокойно дождались бы летной погоды и рванули, — заметил Соколов. — А так каждый час дорог. Как бы не убили тебя прежде...

— Ладно вам про смерть, — вздохнул Девятаев и двинулся к бараку. — Пошли отдыхать, мужики, завтра трудный день. Надо выспаться.

* * *

Рядом с засекреченным ракетным центром Пенемюнде, где производились и испытывались новейшие ракеты «Фау», находились одноименная авиабаза с аэродромом и два лагеря с названием «Карлсхаген».

В первом лагере содержались отобранные по всем немецким концлагерям высококлассные

специалисты, занимавшиеся производством ракетных узлов в сборочных цехах завода. В их обители режим был сносный, да и кормили их гораздо лучше.

Другой лагерь принадлежал люфтваффе, его заключенные использовались для различных аэродромных работ. Девятаев и его товарищи были приписаны ко второму.

Ранним утром 8 февраля все десять человек стараниями Соколова и помощника капо Немченко были отобраны в одну бригаду для засыпки бомбовых воронок вблизи взлетно-посадочной полосы аэродрома. Еще на утреннем разводе на работы Девятаев стоял во второй шеренге, внимательно оглядывал небо и оценивал погоду.

Слой облачности приподнялся метров на триста, посветлел и стал заметно тоньше, местами к острову и к холодному морю пробивалось бледное февральское солнце. Но больше всего Михаила порадовал ветер. Несколько дней подряд он дул с севера, а сегодня сменился на западный. «Взлетать удобнее в сторону моря с курсом двести пятьдесят градусов, — размышлял он, наблюдая за трепыхавшимся флагом с черной свастикой, — и ветерок аккурат будет встречный. Поможет...»

После развода бригада заняла места в кузове грузовика, отправившегося на аэродром по извилистой лесной дороге. Сопровождал бригаду заспанный немецкий солдат с крупной и нескладной фигурой. Девятаеву с товарищами уже приходилось быть под присмотром этого молчаливого и с виду добродушного немца. Однако внешний вид часто бывал обманчив, и заключенные об этом помнили.

Первым, кто взялся оценивать габариты и физическое состояние охранника, был Кривоногов. Именно ему было поручено по сигналу расправиться с вахтманом.

«Ну, как он тебе?» — задал вопрос выразительным взглядом Девятаев.

«Справлюсь», — незаметно кивнул тот.

Четверо, составлявшие костяк группы, едва скрывали волнение перед важным и крайне рискованным делом. Остальные пока находились в неведении. Для них эта поездка на аэродром была обыденной и не предвещавшей потрясений, а хмурое февральское утро с влажным пронизывающим ветром заставляло привычно кутаться в тонкие арестантские куртки.

За прошедшую ночь, слава богу, ничего страшного не произошло — охрана Девятаева ни

разу не тронула. То ли забыла о приговоре коменданта лагеря, то ли отложила экзекуцию на сегодняшний день. После подъема товарищи поинтересовались его самочувствием.

— Нормально, — ответил он. — Бывало и хуже...

Повторяя изгибы бетонной дороги, грузовик ехал через лес в сторону аэродрома. Молчаливый диалог между друзьями продолжался. Теперь Кривоногов, поймав взгляд Девятаева, многозначительно посмотрел в пасмурное небо, маячившее сквозь верхушки старых сосен.

Летчик понял вопрос и ответил: «Все по плану. Летим».

Первый пункт плана побега стал самым легким: сформированная группа в полном составе отправилась на аэродром. Все десять человек: костяк из четверых и шестерка тех, кого накануне выбрали Михаил с Иваном. И ни одного лишнего.

Погода полету не препятствовала, значит, вступал в силу пункт № 2, согласно которому необходимо было улучшить момент и избавиться от вахмана, как величали здешних охранников. По приказу коменданта авиационного гарнизона

Карла-Хайнца Грауденца вахтман обязан был сопровождать заключенных каждый раз — независимо от численности бригады и характера назначенной работы.

Был также выполнен и третий пункт, касавшийся орудий убийства. Кривоногов вооружился удобной металлической клюшкой, а Соколов — тяжелой гайкой с привязанной к ней проволокой. Без этих «инструментов» справиться с крупным охранником было затруднительно.

— Приехали, — пробурчал Кривоногов.

Высокий густой сосновый лес закончился. Дорога петляла дальше, но путь грузовику преградил полосатый шлагбаум. Пока заключенные покидали кузов, из примостившегося рядом с дорогой бетонного здания вышел дежурный офицер в сопровождении автоматчика.

— Господин лейтенант, бригада в количестве десяти заключенных из лагеря номер два для проведения ремонтных работ прибыла, — отпартовал сопровождавший охранник.

Офицер пересчитал заключенных и кивнул в сторону летного поля:

— Проходите. Окончание работ ровно в девятнадцать часов.

Вахтман поправил висящую за спиной винтовку.

— Слушаюсь.

Привычно построившись в колонну по два, заключенные двинулись по дороге к месту работы. Михаил осторожно присматривался к сопровождавшему солдату.

Это был ополченец из военизированных частей ландесшютцен. Неуклюжий, но довольно высокий и широкоплечий мужчина лет тридцати. Полноценных солдат и унтер-офицеров, призванных для службы в люфтваффе, на острове Узедом оставалось мало — человек сорок-пятьдесят. Имея соответствующие допуски, все они служили младшими авиационными специалистами при штабе или в секретной части. А охрана заключенных из лагеря № 2 была полностью возложена на ополченцев.

«С коленкой непорядок, — заключил Михаил, наблюдая за необычной походкой сопровождавшего. — То ли от рождения колченогий, то ли покалечен ранением...»

Входящие в костяк группы товарищи также приглядывались к нескладному немцу, покуда

бригада топала на аэродром. Все они хорошо знали: уровень военной подготовки ополченцев оставлял желать лучшего, да и рвения в службе никто из них не проявлял. Вдобавок в конце зимы 1945 года персонал полигона, аэродрома и двух лагерей готовился к эвакуации с острова, так как части Красной армии находились в опасной близости. Неразбериха с «чемоданным настроением» вносила свою лепту в общий настрой персонала. Поэтому к каждой бригаде заключенных приставлялся всего один охранник, да и тот, как правило, думал лишь о том, как укрыться от пронизывающего ветра и поскорее дожидаться окончания рабочего дня.

На аэродроме пришлось разделиться. Здесь всегда находилась работа для заключенных: очистка стоянок и рулежек от снега, засыпка воронок, починка капониров, разбор завалов после бомбардировок, маскировка военной техники. Сегодня дежурный авиационный инженер приказал одной пятерке засыпать воронки от разорвавшихся бомб, а другой замешивать бетон для ремонта взлетно-посадочной полосы. Благо объекты и той и другой работы находились поблизости.

Охранник уселся на земляной бруствер, а заключенные, не упуская друг друга из поля зрения, взялись за дело...

* * *

Девятаев, Кривоногов и Сердюков возили грунт от края леса до разбросанных по летному полю воронок. Каждый раз, толкая перед собой тяжелую одноколесную тачку, Михаил внимательно осматривал стоянки с суетившимся вокруг самолетов техническим составом.

Вся техника, размещенная на военном аэродроме, делилась на два типа: бомбардировщики и истребители. Штурмовиков, разведчиков и транспортных самолетов здесь не было. Изредка из Берлина прилетал связной самолет «Шторх», но задерживался он здесь недолго. Два звена «мессеров» и «фоккеров» поочередно заступали на дежурство и находились в готовности № 1. Это означало, что истребители стояли с заправленными баками и с полными боекомплектами; пилоты дежурили в кабинах, готовые в любую минуту взлететь навстречу эскадрам британских бомбардировщиков. Имелись на стоянках и дру-

гие самолеты — бомбардировщики «Хейнкель» He 111 и «Юнкерс» Ju 88. Несколько этих больших двухмоторных машин использовались для испытаний ракет «Фау». Внутри их фюзеляжей была установлена сложная телеметрическая аппаратура, позволявшая следить за поведением ракет после запуска.

На некотором отдалении от истребителей стоял новенький «Хейнкель» с вычурным вензелем на фюзеляже в виде двух сплетенных букв G и A, что обозначало Gustav Anton. Летал на этом самолете опытный пилот — тридцатитрехлетний Карл-Хайнц Грауденц. Этот прославленный немецкий ас служил в секретном центре Пенемюнде комендантом авиационного гарнизона. Он отвечал за четкую работу всех аэродромных служб и лично принимал участие в летных испытаниях «Фау». Также Грауденц занимался подготовкой молодых пилотов, выполняя с ними учебно-тренировочные полеты на «Густаве Антоне». С лета 1944 года «Густав» использовался для воздушных пусков крылатых ракет «Фау-1». Однако чуть позже из-за больших потерь и низкой эффективности от данной идеи отказались, и

с тех пор самолет поднимался в небо в качестве учебного.

Для успешного побега с острова группе Девятаева требовался именно бомбардировщик. Истребители были слишком малы даже для того, чтобы разместить в любом из них костяк группы из четырех заключенных. Да и постоянно дежурившие в кабинах пилоты наверняка не позволили бы осуществить этот дерзкий план. Поэтому Михаил высматривал подходящий двухмоторный самолет.

— Везде копошатся, — прокряхтел Кривоногов. Его тачка поскрипывала колесом чуть позади. — До обеда ничего не выйдет.

— А я до обеда и не рыпаюсь, — признался Девятаев. — Вот в полдень склянки пробьют, тогда...

Ровно в полдень дежурный унтер-офицер подавал долгожданный сигнал — трижды ударял молотком по висящему возле аэродромной столовой куску рельса. Звон от ударов разносился ветром по самым дальним уголкам острова, и педантичные немцы, прервав работы, отправлялись на обед.

На этот перерыв Девятаев и рассчитывал.

* * *

Часов никто из заключенных не имел, поэтому, работая на аэродроме, они всегда ориентировались по звуковым сигналам дежурного унтера или по командам охранников.

Наконец три звонких удара оповестили о начале обеденного перерыва. Для немецких младших чинов и офицеров прием пищи всегда оставался делом радостным и первостепенным. Техники, механики, водители автомобилей и прочие спецы из наземной obsługi, заслышав сигнал, тут же прекращали работу и торопливо шагали в сторону столовой. Дежурные летчики также дружно откидывали граненые фонари, ловко выбирались из тесных кабин и топали в летный зал большой столовой.

Работу в этот день бригада заключенных организовала так, чтобы к обеду закончить ее у нужного капонира. Получилось.

Стали готовиться к приему пищи. Военнопленных, разумеется, в местную столовую не пускали. К шлагбауму главной дороги, ведущей на аэродром, из лагеря подъезжал грузовик. Прямо в его кузове парочка заключенных разливала из бидонов по котелкам жидкую баланду. К автомоби-

лю выстраивалась очередь из представителей работавших на летном поле бригад. Нагрузившись котелками, ложками и буханками так называемого хлеба, они торопились к голодным товарищам.

В ожидании своих гонцов заключенные из бригады Соколова разожгли между двумя соседними капонирами костерок. Вообще-то на территории военного аэродрома разводить открытый огонь запрещалось, но вахтманы смотрели на данное нарушение сквозь пальцы, так как невкусную баланду доставляли на аэродром холодной и есть ее в таком виде было практически невозможно. К тому же после обеда промерзшие на пронизывающем ветру ополченцы оставались у догоравших костерков, чтобы погреться и перекусить.

С кормежкой им приходилось хуже всех, ведь покидать подопечные бригады они не имели права. Да, с острова Узедом еще никто из заключенных не сбежал, и даже не было зафиксировано ни одной попытки побега. Тем не менее немецкие уставы охранной службы либеральностью не отличались, а в военное время за их нарушение могли и расстрелять. Поэтому ополченцы запасались на весь день хлебом, галетами и кусками того, что им перепало в солдатской столовой Пенемюнде.

Тачки застыли у тропинки, по которой их гоняли в лесок. Лопаты лежали на склоне капонира. Между двумя земляными буграми над собранным хворостом понемногу разошлось пламя.

— Где же гонцы-то? — шевелил прогорающие дровишки Колька Урбанович. — В животе урчит, и ветер гуляет...

Голод постоянно преследовал заключенных второго лагеря, и больше других от него страдали молодые ребята. Колька Урбанович был именно таким — самым юным. Старшие товарищи вели себя поспокойнее. Рассевшись вокруг костра, они грели руки и радовались редким минутам покоя. Все радовались, кроме тех, кто знал о намеченном побеге. Эти четверо нервничали, переглядывались и беспрестанно зыркали по сторонам, словно боялись, что их замысел раскроют эсэсовцы.

Начало операции Девятаев назначил на полдень, а шестеро из десяти о ней даже не догадывались. Говорить о побеге в бараке после отбоя никто из костяка группы не решился — не дай бог услышат чужаки или провокаторы. Завтрак и развод на работы в лагере проходили настолько стремительно, что люди не имели ни одной свободной минуты. Сразу после развода бригада

разместилась в кузове грузовика, а рядом уселся охранник. И опять стало не до разговоров — вдруг этот фриц понимает по-русски? Оставался последний вариант: начать операцию, а потом уж по ходу дела поделиться с товарищами планами побега с проклятого острова.

Охранник забрался по округлому склону на вершину длинного капонира, внутри которого технический состав ремонтировал двигатели истребителей. Достав из-за пазухи галеты, он принялся жевать...

Занятые в охране заключенных немецкие солдаты часто забирались повыше, чтоб лучше видеть окрестности и работающих членов подопечной бригады. Ну и чтоб не застало врасплох начальство. Его они тоже побаивались.

Расстояние от костерка до немца было небольшим: шагов двадцать.

Кривоногов вопросительно поглядел на Девятаева. «Я готов. Жду твою команду», — прочитал в этом взгляде Михаил.

«Погоди. Дождемся гонцов», — ответил он.

Внезапно Соколов толкнул его в бок и прошептал:

— Может, завтра?

Девятаев показал ему кулак.

— Только сегодня! И никакой слабины!

Побрякивая котелками, гонцы появились минут через пять. По традиции уселись попарно, так как в одном котелке булькали две порции баланды. Поделили куски хлеба, разобрали ложки и приступили к обеду.

Девятаев, Кривоногов, Соколов и Немченко работали ложками и поглядывали вверх, на охранника. Дело они затеяли нешуточное, и не дай бог, где-то произойдет сбой. Пока производственные процессы в Пенемюнде и его окрестностях укладывались в рабочие планы, администрация и охрана ракетного центра казались благодушными, лояльными. Но стоило привычному ходу событий нарушиться, как тут же следовал ответ в виде репрессий. К примеру, несколько раз на плацу провинившихся узников рвали на части собаки. А оставшиеся лохмотья тел развешивали на колючей проволоке.

Беспокойные взгляды товарищей заметил Ваня Олейник.

— Чего это вы на него пялитесь? — облизал он ложку.

— Сейчас узнаешь, — тихо отозвался Михаил и кивнул Ивану: — Давай!

Ванька Кривоногов не в первый раз готовился бежать из плена. Во время первой попытки он убил лагерного провокатора и даже перемахнул за периметр, но в последний момент был схвачен. После долгих истязаний и допросов немцы отправили его в концентрационный лагерь Нацвейлер-Штрутгоф под Страсбургом. Там его спасла неразбериха, связанная с переизбытком заключенных. Из Нацвейлера Кривоногова перебросили на остров Узедом, однако и тут он не успокоился, собрав вокруг себя группу единомышленников и начав подготовку нового побега.

Быстро перекрестившись, Иван вынул из-под куртки металлическую клюшку, перехватил ее поудобнее и рванул к вершине капонира...

*СССР, Тамбовская губерния,
Спасский уезд, село Торбеево
20–30-е годы*

Михаил Девятаев родился 8 июля 1917 года в маленьком мордовском селе Торбеево. Тогда оно состояло из полусотни дворов и входило в Спасский уезд Тамбовской губернии. В крестьянской

семье маленький Миша был тринадцатым из четырнадцати детей. Отец Петр Тимофеевич был мастеровым человеком, трудился всю жизнь и погиб довольно рано от тифа, едва Михаилу исполнилось два годика.

На селе в большой семье без взрослого мужика-кормильца — никак. Либо голодная смерть, либо идти по миру. Семья бедствовала, но выжила и милостыню ни у кого не просила. Основная заслуга в этом принадлежала, конечно же, матери семейства Акулине Дмитриевне — строгой, несгибаемой, но вместе с тем заботливой и бесконечно доброй женщине.

Михаил рос хулиганом, учился плохо. Однако по заведенному в семье правилу всегда и во всем помогал матери и старшим братьям. А в школу ходил только по весне и по осени, потому что не имел подходящей для зимнего времени одежды.

Трудно сказать, кем бы вырос непоседливый и хулиганистый подросток, если бы однажды на поле рядом с глухим селом не произвел посадку почтовый самолет. Небольшой двухместный летательный аппарат моментально облепили сельские мальчишки, а юный Михаил, будто зачарованный, глядел на спрыгнувшего на землю

пилота. Могучего телосложения, в кожаном плаще и шлемофоне, тот представлялся совершенно особенным человеком. Инопланетянином. Или спустившимся с небес богом.

Михаилу удалось поговорить с летчиком и задать ему несколько вопросов. Что нужно сделать, чтобы получить профессию авиатора? Легко ли поднять самолет в воздух? Каково там — высоко в небе? Какие еще бывают самолеты?..

Дядька-пилот оказался добряком и, усмехаясь в пышные усы, подробно отвечал на вопросы. Услышав его ответы, юноша дал себе слово, что обязательно станет таким же пилотом. И с тех пор, обретя высокую и ясную цель, стал относиться к учебе по-другому.

В 1933 году он окончил семь классов средней школы и вместе с другом — Сашкой Учватовым — отправился в Казань, страстно желая поступить в авиационный техникум. Но... не судьба. Во-первых, экзамены в этот техникум уже закончились. А во-вторых, Михаил забыл дома аттестат об окончании семилетки.

Однако сдаваться он не собирался, ведь матери перед отъездом поклялся, что вернется в Торбеево только летчиком.

ДЕВЯТАЕВ

— Айда в речной! — заявил товарищу Девятаев.
И они отправились поступать в Казанский речной техникум...

* * *

— А вы, собственно, кто такие? — Директор техникума смерил мальчишек строгим взглядом.

Он намеревался спуститься в столовую, а тут вдруг под дверью незваные гости.

Впрочем, помимо строгости во взгляде пожилого директора присутствовали и удивление, и добрая усмешка. Ведь оба пацана стояли перед ним босые, да и одежда на них была простенькая и весьма потрепанная. В частности, Девятаев был одет в полинялую рубаху, сшитую из украденного красного флага.

— Мы... из рабочего поселка Торбеево, — пролепетали юнцы.

— Почему же в Казань приехали? Неужто в Пензе или Тамбове подходящего заведения не нашлось?

— Мы в авиационный хотели, а там уже приема нет. Опоздали, — развел руками Девятаев. И хмуро добавил: — А я еще и аттестат дома позабыл.

— Экий ты растеряша... Как же я тебя допущу до экзаменов без аттестата?

Сашка Учватов молчал и только изредка шмыгал носом. А Мишка вдруг подбоченился и мальчишеским фальцетом нахально заявил:

— Так вы же все равно кого-нибудь отчислите из тех, кто с аттестатом! А я буду хорошо учиться — обещаю! И аттестат по почте затребую из дома — мамка его обязательно вышлет!

Директор не сдержал улыбки.

— Как тебя зовут?

— Михаил Девятаев. А он — Сашка Учватов.

— Хорошо. Поверю, — сказал директор, потрепав Мишку по упрямым темным вихрам. — Бегите в учебный отдел к секретарю Анне Николаевне и запишитесь в группу на завтрашний экзамен. Скажите: я допустил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Германия, остров Узедом, аэродром
секретного ракетного центра Пенемюнде*

8 февраля 1945 года

Резко взмахнув клюшкой, Иван нанес немцу сокрушительный удар. Целил в затылок, а попал в правую височную область.

Не издав ни единого звука, охранник повалился на спину. Действуя наверняка, Кривоногов запрыгнул ему на грудь и трижды маханул своим орудием.

— Все, Ванька, остановись! — вскочил Девятаев. — Одежду замараешь кровью!

Согласно разработанному плану, один из заключенных должен был переодеться в немецкий мундир и отконвоировать остальных до самолета. Стало быть, немецкую форму следовало поберечь. Меж тем из размозженной головы охранника в разные стороны летели мозги и брызги крови.

Тяжело дыша, Кривоногов опустил железяку.

— Готов, гад. Раздевайте...

Но тут случилась другая напасть. Не знавшие о намеченном побеге заключенные дружно взвились:

— Ты спятил?!

— Ванька, ты что наделал?!

— Нам же смерть за это! Ты же нас всех подвел под расстрел!

Один даже подскочил и с силой оттолкнул Кривоногова. Ведь убийство вахтмана — это минимум виселица. А могут и собаками затравить до смерти.

— Отставить! А ну, становись! — рыкнул на товарищей Михаил. Подняв немецкий карабин и передав его Кривоногову, приказал: — Расскажи им о нашем плане...

После короткой разъяснительной беседы кипиш утих. Никто не бранился, голос не повышал. Замысел побега отобранным в группу товарищам стал понятен, однако не все поддержали рискованную затею. Высокий сибиряк Петя Кутергин в свойственной ему манере протянул:

— А ежели нас это... поймают? Дальше острова отправлять некуда.